

Неделя, 10-16 авг. 1981г.

● Молодой, веселый и озорной рабочий парень с удивительно доброй и обаятельной улыбкой — таким остался в нашей памяти герой знаменитой «Трилогии о Максиме». Прошло немало лет, а она по-прежнему не сходит с экрана, и жизнь ее героя остается ярким примером для новых и новых поколений.

В эти дни создателю образа Максима — Герою Социалистического Труда, народному артисту СССР Борису Чиркову исполнилось восемьдесят лет.

Наверное, не так уж и мало. Но когда мы встретились, то первое, о чем подумалось: поистине годы не властны над ним. Бодр, энергичен, собран, подтянут. А улыбка — как и в молодости: озорная, чуть ироничная.

— Борис Петрович, конечно, известность, громкую славу принесло вам кино. Но все же актер вы театральный...

— Безусловно. С театра началась моя творческая жизнь. И началась, если сказать правду, не совсем уверенно. Ведь я был «глубокий провинциал», вятский, из небольшого городка Нолинска. А в Театре юного зрителя в Ленинграде, куда я попал после окончания Института сценического искусства, мне пришлось играть с людьми безусловно талантливыми, такими, как Черкасов, Кадочников, Любашевский. Прекрасней была и режиссура... Но постепенно набирал силы, становился увереннее. Многому учился у своих товарищей по сцене, а многому — у зрителей. Да-да, зрители очень помогли мне реакцией, отношением.

— А как складывались ваши взаимоотношения с кино?

— Видите ли, до того, как стать киноактером, я был просто зрителем, и никогда не забуду свой первый в жизни киносеанс. Я тогда был младшим школьником. В зале, где мы сидели, погас свет, что-то

ИНТЕРВЬЮ «НЕДЕЛИ»

СЧАСТЬЕ ХУДОЖНИКА

● Кадр из фильма «Человек с ружьем».

застрекотало за нашей спиной, и вдруг с простыни, заменявшей тогда экран, прямо на нас выскочил паровоз. Бежать было поздно и некуда, и мы лишь успели дружно заорать от ужаса... К счастью, все быстро закончилось. А потом я уже

сам стал киноактером. Снимался в немом кино. Очень хотелось видеть себя на экране еще и потому, что решил проверить: если ли у меня талант? Думал, вот увижу на экране и сразу разберусь — оставаться или уходить из кино. И когда посмотрел первые отснятые метры пленки, страшно расстроился и решил: все, с кино покончено. А потом стал размышлять: может, роль не та, че моя. Но тут filmy пошли один за другим. Сегодня их уже 80...

— На ваших глазах кино превратилось из «чуда» в высокое искусство. Что вы скажете об этом?

— Да, действительно. Поначалу было много лент весьма сомнительных художественных достоинств. Но на это мало обращали внимания — поражали техника, ее возможности: движущиеся картины. А потом я встретил оказавшие на меня сильнейшее воздействие «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна, особенно «Мать» Пудовкина, потом «Землю» Довженко. И я увидел, что это — подлинное искусство. Пришел звук, появился цвет, стал широким, широкоформатным экран. И все эти технические новшества открывали новые возможности для кино.

— Наверное, наша беседа была бы не полной, если бы я не спросил вас о Максиме.

— Да, с этим героем у меня связано

много. Трилогия и работа над образом Максима стали главным делом моей жизни. Но я прекрасно понимаю и то, что такую горячую любовь зрителей этот образ вызвал к себе не потому, что его создал я, актер Чирков, а потому, что мне удалось передать в нем лучшие черты коммуниста, сына народа. Правда, чего греха таить, часто в сознании людей, видевших фильм, актер и образ, им созданный, становятся чем-то единым, целым. Так и мне долгое время приходили письма с незатейливым адресом: «Ленинград, Максиму»; «Москва, Максиму». И знаете, это ко многому обязывает актера.

— Борис Петрович, трудно ли служить двум музам: театру и кино?

— Дело в том, что в кино надо придать с тем, что накопил в театре, ибо театр — это великая школа, это творческая база для киноактера. Да вы сами можете заметить, что всякий кинорежиссер на самые ответственные роли старается назначать театрального актера.

— Но театром и кино вы ведь не ограничиваете свое творчество?

— О, далеко нет. Раньше, чем я появился на профессиональной театральной сцене, я выступал на эстраде как... танцовщик. Трио наше сложилось в стенах театрального института. В смешном, темпераментном и быстром танце Николай Черкасов, Петр Березов и я пародировали популярных в те годы киноактеров-комиков Пата, Паташона и Чарли Чаплина. Мы даже ездили из Ленинграда в Москву и Киев. И везде публика шумно и весело встречала наше выступление. А на одном из концертов в Ленинградском саду отдыха, где мы выступали, присутствовал Максим Горький. Правда, он единственный из всех зрителей не только не смеялся, но даже не улыбался. И это нас сильно огорчило. Ну, а потом, уже много лет спустя,